

И. Н. Львова

канд. экон. наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Санкт-Петербургского государственного экономического университета

ОБРАЗ ПРОФЕССИИ КОММЕРСАНТА И БУХГАЛТЕРА: ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОРИИ

Нет вещи без образа.

В. Даль

У каждого есть свои иллюзии, и никто не хочет расставаться с ними.

Дж. Голсуорси

Введение

В эпиграфах, приведенных в начале этой статьи, упоминаются два понятия: «образ» и «иллюзия». В соотношении с профессией их соседство не случайно.

Формируя образ профессии, мы стремимся определить ее облик, дать, возможно, более живое и вместе с тем адекватное представление о ее содержании и носителях — людях, которые обладают профессиональными навыками и уделяют этой профессии свое время. Между тем в процессе создания этого образа нас подстерегают заблуждения и иллюзии.

В одной из своих работ Я. В. Соколов обобщил образы бухгалтеров, созданные российскими и зарубежными писателями и кинематографистами (Соколов, 2003). Именитые авторы, среди которых В. Шекспир, О. де Бальзак, А. Доде, Э. Золя, Дж. Голсуорси, а также А. П. Чехов, М. А. Булгаков, А. П. Платонов, М. М. Зощенко и др., составили весьма нелицеприятный коллективный портрет бухгалтера. Их произведения оказали сильное воздействие на восприятие профессии обществом. Благодаря таланту создателей эти представления оказались удивительно стойкими. И в век информационных технологий, изменивших само содержание профессии, мы все еще в плену старого, застывшего образа.

Очевидное несоответствие между содержанием и образом вредит не только бухгалтерам, испытывающим неловкость при указании своего профессионального занятия, но и развитию самой профессии. Неверный образ, как ошибочный ориентир, не может указать правильной дороги.

Проблема создания образа профессионалов в предпринимательской среде — коммерсанта и бухгалтера — возникает не впервые. С не меньшей остротой она обнаружилась в конце XIX — начале XX в., когда для рыночной экономики России потребовались новые люди. Требования к знаниям и навыкам этих людей еще не имели четких формулировок и определялись в согласии с теми образами,

которые возникали у представителей общества, в той или иной степени заинтересованных в коммерческих профессиях.

Оценки историческим фактам всегда давать легче, чем современным явлениям, но и по прошествии более чем ста лет трудно со всей определенностью судить, что в тех образах было истинным, а что ложным, где в них реальность, а где иллюзия.

Культурный деятель на экономической почве

На рубеже XIX—XX вв. в России началась реформа коммерческого образования, инициированная министром финансов С. Ю. Витте (1849—1915). В 1896 г. был высочайше утвержден законодательный акт — Положение о коммерческих учебных заведениях, определивший начала деятельности четырех видов (разрядов) этих заведений: торговых классов, торговых школ, коммерческих училищ и курсов коммерческих знаний.

Создание новой системы специального образования сопровождалось широким общественным обсуждением. Главным местом дискуссий были съезды русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, а также съезды директоров и представителей попечительных советов коммерческих учебных заведений, которые неоднократно созывались с 1890-х гг. В полемику активно включились периодические издания: журналы «Вестник воспитания», «Русская школа», «Коммерческое образование», «Коммерческая школа и жизнь», «Счетоводство» и др.

Анализируя эти дискуссии в начале XXI в. в поисках новых представлений о коммерческих профессиях, нельзя забывать, что профессиональное образование в конце XIX в. еще не получило всеобщего признания. Среди образованной части российского общества были те, кто отрицал саму возможность приспособления образования к практическим нуждам. Вместо защиты ценностей образования в повседневной жизни общества они предпочитали критиковать сторонников его специализации.

Идеологом критиков специального образования было принято считать Д. И. Писарева, а идеологической основой критических замечаний его статью «Наша университетская наука» (Писарев, 1955). Писарев противопоставлял общее и специальное образование. Последнее он рассматривал как «навык в каком-нибудь ремесле, умение взяться за какое-нибудь дело, умение приложить к этому делу именно те приемы, которые в данное время признаны опытом наиболее удобными» (Писарев, 1955, с. 188). Образованный человек, полагал он, это человек, получивший общее образование, а затем изучивший какое-либо ремесло. Образование и ремесло не следовало путать. Более того, образование заканчивалось ровно там, где начиналось ремесло. Специальное образование Писарев называл ошибочным принципом, призраком, мешающим увидеть действительный смысл и настоящую задачу образования.

«Что всего хуже, — писал он, — в обществе укореняется мысль о том, что можно в одно и то же время, одними и теми же уроками делать Васеньку или Коленьку образованным человеком и, например, хорошим моряком или дельным юристом». Следуя по пути специализации образования, «можно дойти до образования кирасирского, отличающегося от гусарского и уланского, до образования, свойственного чиновнику казенной палаты и совершенно непохожего на образование сенатского или почтамтского чиновника, до образования кожевника, не имеющего ничего общего с образованием мыловара или мясника» (Писарев, 1955, с. 190). Таким образом, считал Писарев, общее образование будет уничтожено, будучи разделенным на множество кусочков.

Охотно цитируемое¹, это описание специального образования постепенно превратилось в его насмешливый символ. Между тем Писареву принадлежат и другие, не менее значимые и столь же яркие рассуждения. Например, о том, как сочетаются, сплавляются между собой ремесло (специальность), образование и воспитание. В этой триаде, полагал он, образование отодвинуто на самый задний план, «сдвинуто между воспитанием и изучением ремесла». Оно является «переходной тенью», «узенькой полоской амальгамы»².

Изучая историю коммерческого образования, мы можем наблюдать, как расширялась эта узенькая полоска, создавая образовательное пространство, в котором сочетались общие и специальные знания; пространство, где обучение сопровождалось воспитанием нравственных основ профессионального поведения.

После реформы 1896 г. реальность коммерческого образования уже невозможно было отрицать, и главным предметом обсуждения становится общественное назначение коммерческой школы. Казалось, дискуссия участников образовательного процесса и тех, кто был в нем заинтересован, приобрела новое направление, но в ней были явственно слышны отголоски старого спора о возможности специализации образования. При всем многообразии высказываний участников представительных собраний и авторов журнальных публикаций эти высказывания со всей очевидностью можно свести к двум группам. К первой группе следует отнести мнения сторонников коммерческого образования как разновидности общего, с некоторой специальной направленностью. Ко второй — высказывания тех, кто пытался создать новый тип образования.

В 1906 г. в нескольких номерах журнала «Русская школа» была опубликована программная статья известного профессора А. Сахарова «Наши коммерческие школы и их общественное значение». Она по существу стала манифестом тех, кто рассматривал коммерческую школу не более как уступку, сделанную общим образованием в пользу специального.

Приоритет общего образования над специальным Сахаров считал неизбежным и обосновывал его исключительно российскими условиями:

- недостатком общеобразовательных школ и желанием получить общее образование под видом коммерческого;
- примитивностью торговых отношений;
- отсутствием большого спроса на образованных приказчиков, бухгалтеров, коммивояжеров (Сахаров, 1906, с. 108—109).

Исходя из приоритетного значения общего образования, Сахаров создал образ воспитанника коммерческого училища — участника торгово-промышленной жизни, которого назвал «культурным деятелем на экономической почве».

Это понятие нуждается в интерпретации. В нем соединяются три слова (словосочетания): культура, деятель и экономическая почва. Слово «культура», которое в русском языке первоначально ассоциировалось с понятием «образованность» (Ренофранц, 1837, с. 139), к концу XIX в. получило смысловое развитие. В. Даль в одном из значений толкует его как образование умственное и нравственное (Даль, 1956, с. 217). У Сахарова культура участников торгово-промышленной деятельности является условием процветания экономики. «Успех торгово-промышленного развития страны, — пишет он, — зависит столько же от специальных знаний, сколько от общего развития и сознательного отношения к исполняемой работе...» (Сахаров, 1906, с. 109).

¹ К цитированию Д. И. Писарева прибегает, например, проф. А. Ф. Фортунатов, противник утилитарного подхода к профессиональному образованию (см.: Фортунатов, 1906, с. 45—46).

² В буквальном смысле слова «амальгама» — соединения (сплавы) ртути с другими металлами (Энциклопедический словарь, 1994, с. 604).

В конце XIX в. торговля, как всякая другая предпринимательская деятельность, еще воспринималась как низкое занятие, не достойное образованного человека. «Торговаться, божиться, завертывать товары, получать деньги так просто, что для этого, кажется, не требуется никакой подготовки», — сформулировал распространенную в ту пору точку зрения один из авторов журнала «Счетоводство» П. Замятин (Замятин, 1893, с. 338).

В противопоставление старой практике два профессора: И. Т. Тарасов, а вслед за ним А. Ф. Фортунатов — назовут воспитанника коммерческого училища «культурным торговцем», подчеркивая этим, что в торговлю должны прийти новые, образованные люди (Фортунатов, 1906, с. 47). В дискуссии о целях торговых школ на третьем съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России, прошедшем в канун 1904 г., один из его участников Е. О. Ольшевский использует еще одно обозначение для носителей культуры в предпринимательской среде: «интеллигентный коммерческий агент». Перед торговыми школами, считал он, прежде изучения основ специальных знаний должна стоять задача ознакомить воспитанников «с главнейшими историко-литературными событиями и течениями, с главнейшими деятелями и представителями истории и литературы, преимущественно в России...» (Третий съезд..., 1904, с. 700).

Деятель может быть определен как человек, который проявил себя в какой-нибудь общественной деятельности (Ожегов, Шведова). Использование этого слова для обозначения воспитанника коммерческой школы наделяет его определенными обязательствами перед обществом, его профессия приобретает общественное обременение. «Коммерческие школы имеют в виду, — процитируем еще раз Сахарова, — ...воспитать коммерсанта, могущего иметь собственную инициативу и встать во главе большого предприятия в полном сознании своих общественных обязанностей» (Сахаров, 1906, с. 109).

Непривычное для современного языка сочетание «экономическая почва» — фигуральное выражение, призванное в данном случае определить основу или среду деятельности носителей культуры — воспитанников коммерческих училищ. На рубеже XIX—XX вв. экономическая почва обладала теми благоприятными естественно-историческими условиями для роста и развития, в которых могли прорасти семена экономической культуры. Деятель на этой почве был не только созвучен, но и подобен библейскому сеятелю. Как на библейскую добрую почву¹ он был призван сеять “знанья на ниву народную”².

Образованные коммерсанты по мысли сторонников исключительно общего образования должны были, очевидно, пополнить ряды российской интеллигенции народнического толка. Когда писались процитированные выше строки, народническое движение почти угасло, но его идеалы в среде русской интеллигенции, к которой принадлежали преподаватели коммерческих учебных заведений, еще сохранялись и не были до конца вытеснены новыми политическими и социальными теориями. Стремление распространять знания, пусть даже с примесью экономических, было так естественно и благородно, что его было трудно преодолеть в угоду новым экономическим потребностям.

Не будем отрицать, что создание образа «культурного деятеля на экономической почве» имело позитивное значение, как и всякое другое начинание на ниве бескорыстного служения делу широкого распространения знаний. Один из известных критиков российской интеллигенции и народничества, соавтор на-

¹ «А посеянное на доброй почве означает тех, которые слушают слово и принимают и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат» (Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, 1917, с. 136—137).

² Цитата из известного стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятелям» (1876).

шумевшего сборника «Вехи» С. Л. Франк (1877—1950) не мог не признать, что в культурном деятеле (он называл его также «культурным работником») «народническая мораль выявила все, что в ней было положительного и плодотворного; он как бы вобрал в себя и действительно развил самый питательный корень народничества — альтруизм» (Вехи, 1909, с. 164).

Офицер коммерции

К началу XX в. образ культурного деятеля на экономической почве приобретает некоторую архаичность, но идеалы служения обществу, содействия торговле и промышленности еще востребованы в среде коммерческого образования и ищут нового образца. И скоро находят его в образе российского офицера.

Обращение к образу офицера не случайно. Высокие идеалы профессии у военных традиционно превосходили требования обычной морали. Они восходили к средневековому рыцарству с его представлениями о доблестном служении «без страха и упрека». Возвышенность офицерской этики, к тому же окутанная рыцарским ореолом, была необычайно привлекательна для подражания.

В начале XX в. в образе офицера-рыцаря становятся заметными черты, принесенные новым временем. «Идеал нынешнего офицера, — пишет в 1912 г. А. Дмитриевский, — не только самому быть таким рыцарем “без страха и упрека”, но, что без всякого сравнения, труднее и выше, иметь силу и умение перерабатывать в таких же рыцарей и в верных защитников Престола и Родины свой народ в лице его сынов, вверяемых на несколько лет офицеру для создания армии» (Дмитриевский, 2000, с. 203). Перед офицерами в духе народничества ставится великая задача *«воспитателей народа, сеятелей в нем культуры, прогресса и нравственности, как создателей армии — охранительницы процветания и благополучия народа»* (Дмитриевский, 2000, с. 204).

Новый идеал провозглашается религией, дающей цель и смысл службе офицера, указывающей ей направление. У Дмитриевского можно найти вдохновенное описание роли им же созданного идеала в жизни офицера и армии.

«Идеал... дает истинный критерий о службе офицера... Идеал заставляет думать о будущем, о последствиях: отсутствие идеала дает лишь заботу о настоящем. Идеал устраняет обман для минутного настоящего. Идеал дает правильное направление требованиям начальства, выясняя, что требуется для пользы службы и что для одобрения, похвалы высшего начальства. Идеал регулирует отношения и создает полную солидарность в достижении этого идеала» (Дмитриевский, 2000, с. 204).

Не в такой вдохновенной форме, но идею создания идеала и служения высказывали и другие авторы. Д. Аничков в том же году, что и Дмитриевский, призывал к созданию «типа офицера-идеалиста, офицера-фанатика своего дела» (Аничков, 2000, с. 175). Л. Л. Толстой, сын великого писателя, в 1907 г. наставлял офицеров: «Вы призваны служить благу России через армию и через служение и воспитание ее, благу всего мира, если вы любите вашу страну и верите в нее и в себя» (Толстой, 2000, с. 175).

Один из авторов журнала «Коммерческое образование», В. Шимановский, попытался «списать» образ коммерсанта (купца) с офицерского. С первых дней обучения в коммерческой школе, считал он, ее воспитанникам надлежало прививать рыцарство, отвагу, чувство долга, презрение к опасностям, честь мундира и прочие воинские доблести. «Офицеры коммерции» — так он называл купеческую элиту — также должны были приобрести определенные качества души и характера, позволяющие занять им высокое положение в торговом мире.

Прежде всего, считал Шимановский, купцы должны быть идеально и профессионально честны. Безупречная профессиональная честность, как единственный рациональный прием в конкуренции, неизбежно придет на смену старому профессиональному кредо «не обманешь — не продашь». Затем для торговца важна бережливость. Ее, однако, следовало понимать не как способ, которым пользовался прежний купец для пополнения своей кубышки. Бережливость противопоставлялась легкомысленности и расточительности нового поколения коммерсантов. В сочетании с аккуратностью в расчетах она призывалась на борьбу с неуважением к кредиту, когда по векселям платили не иначе как после их протеста. И наконец, коммерческая школа была обязана внушать своим питомцам уважение к званию коммерсанта.

Надо отдать должное Шимановскому за то, что он возвысил частную коммерческую практику до уровня общественно значимой деятельности. Коммерсант, считал он, прежде всего слуга своего государства, которое вручает ему важнейшее свое достояние — произведение труда (и не только своего, но и чужеземных народов), а торгующий недобросовестно — такой же преступник перед обществом и государством, как и солдат, нарушивший присягу. Он — коммерсант — еще и агент культуры, поскольку является руководителем и двигателем народного вкуса и потребностей, а с ними и промышленной изобретательности (Шимановский, 1908, с. 293—297).

Художник-организатор

В духе времени и свойственных ему представлений об экономических деятелях формировался и образ бухгалтера. Существенный вклад в его создание был внесен авторами журнала «Счетоводство». Я. В. Соколов отмечает, что круг авторов этого журнала был небольшим и писали они для будущих поколений (Соколов, 1996, с. 252).

Более других в будущее были устремлены рассуждения В. Д. Белова о бухгалтерии как науке и ее роли в ряду других знаний. Белов проводит различия между бухгалтерией-ремеслом и бухгалтерией-наукой и бухгалтерами, осознающими свою принадлежность к одной из этих областей. Образ бухгалтера-ремесленника у него подобен пишущей машине. Он «не видит ничего в своем труде, кроме раз усвоенного механизма; с годами теряет всякую способность задаваться какими бы то ни было вопросами по своей профессии» (Белов, 1893, с. 51).

Совсем другим Белов рисует образ научно подготовленного бухгалтера. Просвещенный ум будет побуждать его к иному отношению к профессии. Помимо воли он будет «ставить вопросы, разрешение которых делается для него потребностью», а ее удовлетворение «создаст постоянный источник того высшего наслаждения, которое нам доступно на земле и которое состоит в стремлении к истине» (Белов, 1893, с. 51). Под сухой оболочкой цифр и счетных комбинаций такой бухгалтер увидит живое дело, лишь облеченное в цифры. Практическая деятельность будет иметь для него значение как источник самого разнообразного материала. Интерес к этому материалу до известной степени сможет уравновесить тяжесть механического труда.

В занятии, которое по своей природе имеет характер коммерческого, Белов первостепенным считал поиск истины, мечтательно полагая, что научно подготовленный бухгалтер сможет сказать себе: «Не об одном хлебе сыт будешь». Правда, и хлеб, на который он приобретет право, будет все-таки вкуснее.

Белов разделял бухгалтеров — по свойству бухгалтерской работы — на две главных категории: бухгалтеров-организаторов и бухгалтеров, ведущих уже открытые книги. Каждой из категорий он предписал определенные обязанности

и компетенции. Обязанности бухгалтеров второй категории — мы назвали бы их рядовыми бухгалтерами — проще и должны состоять не столько в самом ведении книг, сколько в общем руководстве и наблюдении. В несложных делах ведение книг может возлагаться не на бухгалтера, а на лицо с небольшой подготовкой (конторщика).

Совсем другими обязанностями Белов наделял бухгалтера первой категории. Опережая время, он очень точно выразил практический смысл научной подготовки счетоводов. Она полезна и необходима не в том узком смысле, когда опытный, набивший руку бухгалтер не мог бы справиться без ее помощи. Научная подготовка, и в этом главное, помогает достичь желательной степени совершенства счетоводства.

Белов видел научно подготовленного бухгалтера «художником-организатором, создающим тот тип счетоводства, который вытекает из природы или деталей самого дела, а не есть какая-либо в данном случае совсем непригодная копия» (Белов, 1893, с. 52). Такой бухгалтер не стеснен формами, общепринятыми правилами или приемами ведения книг. Для него не существует обязательного порядка открытия книг и установления взаимосвязи между ними. Он пользуется учебниками, литературой и образцовыми практическими трудами, но и они для него не более чем необходимый материал. Все остальное — личное творчество.

Образ бухгалтера-организатора, к тому же научно подготовленного, в 1893 г. — до начала развития и распространения массового коммерческого образования, скорее всего, был навеян теми умными и малопонятными читательской массе письмами, которые, как полагал Я. В. Соколов, писали друг другу интеллигенты-бухгалтеры посредством журнала «Счетоводство» (Соколов, 1996, с. 252—253). Но, как ни странно, именно этот образ, несмотря на кажущуюся отвлеченность и отсутствие очевидного прагматизма, который опирается на «реальные» условия жизни, оказался провидческим.

Мальчик в услужении и рутинер-бухгалтер

Полной противоположностью возвышенному образу бухгалтера, созданного Беловым, являлся портрет несчастного мелкого служащего, который многократно описывали не только в художественной, но и специальной литературе. У истоков этого образа — печальная картина будней «торгового мальчика» в услужении, который «обязан колоть дрова, таскать их в кухню, носить воду, выносить лоханки в помойную яму и быть в полном повиновении не только у кухарки, но решительно у всех и каждого в одно время» (Марецкий, 1862, с. 2).

Тот же сюжет через сорок лет воспроизводит в описаниях «служебных обязанностей» низших должностей в провинциальных коммерческих предприятиях Г. А. Бахчисарайцев: «Служить за десятирублевое месячное жалование в какой-нибудь железной лавке, на хозяйских харчах, подметать, поливать и запирать лавку или писать целый ряд годов фактуры, затем вести часть товарной книги и к зрелому возрасту стать больным, скучным в семье, в жизни и для жизни, но с красивым почерком конторщиком, — согласитесь с нами, — натура и мировоззрение не каждого юноши ставит себе “это” идеалом» (Г. А. Б., 1905, с. 3).

При схожести сюжетов последнее описание тем не менее существенно отличается от первого. В нем — последнем — упоминается некий идеал, далекий от повседневности, но присущий натуре и мировоззрению мелкого служащего, которому, казалось бы, он не по чину.

Сравнение реальности и идеала было характерным способом описания и анализа повседневных занятий коммерсанта и бухгалтера и создания желанного образа профессии по принципу от противоположного. Авторы как будто пользовались од-

ним рецептом начертания образа профессии: сначала как можно больше сгустить темные краски, рисуя неприглядный портрет современника, выполняющего будничную работу, а потом представить на суд зрителей светлый лик профессионала будущего. При этом в образе современников находилось множество недостатков.

А. Ф. Игнатюк, например, будучи преподавателем коммерческого училища, не мог не заботиться о развитии коммерческого образования. Он же чернил бухгалтеров-практиков, которые не обращают внимания на теорию счетоводства, называя их не иначе как рутинерами. «Такой бухгалтер, — процитируем его высказывание, — знает только те формы счетоводства книг, бланков и записи, которые он изучил, будучи учеником. Благодаря этому он и переносит их с собой повсюду, не рассуждая, пригодны ли они к данному делу или нет; да ведь он и не может критически отнестись ко всему этому, так как другого ничего не знает! Такой бухгалтер приготовит еще 1—2 учеников, и они пойдут распространять “отжившее”, от которого веет плесенью» (Третий съезд..., 1904, с. 745). Бухгалтеру-практику противопоставлялся специалист, знающий теорию; тот, кто постоянно совершенствовался, вводил новые книги, изменял сам строй счетоводства и т. д. «Такой бухгалтер, — говорил Игнатюк, — желанный гость!» (Третий съезд..., 1904, с. 745).

И. Д. Гопфенгаузен известен как один из авторов проекта создания в России института присяжных бухгалтеров¹, корпорации, которая в том числе была призвана защищать интересы лиц счетной профессии. Обосновывая необходимость создания института и законодательного урегулирования счетоводного труда, он тем не менее считал возможным (от противного!) дать уничижительную характеристику бухгалтерам.

«Звание это (бухгалтера. — *И. Л.*), — писал он, — есть совершенно случайное, не связанное ни с каким умственным, моральным или материальным цензом, не имеет никакого законного определения и нигде не зарегистрировано». И далее: «Начальник отчетности банка, железной дороги есть бухгалтер, и старший дворник, ведущий домовые расчетные книги, — бухгалтер, хотя для последнего администрация установила права и обязанности по ведению книг с большей определенностью, чем общее законодательство и частные уставы для первых. И ничто не мешает старшему дворнику, потерявшему место, завтра объявить в газетах: бывший бухгалтер ищет место по счетоводству» (Гопфенгаузен, 1895, с. 43).

Гопфенгаузену как будто вторил один из участников дискуссии о содержании коммерческого образования на третьем съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России: «Счетчик, мало знающий помимо счетоводства, не найдет другого места в торговле, как только при дверях, а для этого не нужно торговой школы» (Третий съезд..., 1904, с. 713).

Неприглядный образ рисовали главным образом для того, чтобы создать выгодный контраст начертанным идеалам, но вот парадокс: об идеале почти не осталось воспоминаний, тогда как бухгалтер — мелкий служащий невзрачного вида, скучный человек и рутинер по самой своей натуре до относительно недавнего времени был преобладающим образом профессии.

Заключение

Таким образом, формирование профессий коммерсанта и бухгалтера в России в конце XIX — начале XX в. сопровождалось созданием галереи образов «культурного деятеля на экономической почве», «офицера коммерции», «ху-

¹ Подробнее о проекте см.: (Львова, 2006).

дожника-организатора» и, наконец, «мальчика в услужении» и «рутинера-бухгалтера». Каждый из них внес свои черты в облик профессии, но ни один не стал ее настоящей основой. Рождение образов было своего рода самоцелью, иллюзией, которая давала возможность деятелям на nive коммерческого образования почувствовать себя причастными к общественно значимому явлению. Эту особенность русской интеллигенции в 1909 г. хорошо подметил С. В. Лурье. «Ошибка нашей интеллигенции, — писал он, — состоит в том, что у нее не было того жизненного чутья, которое дает возможность практически отделять сферу абсолютного и самоцельного от сферы относительного и полезного, не было общественного воспитания и практического опыта, научающего людей целесообразно пользоваться общими идеями и безусловными моральными требованиями» (Лурье, 1998, с. 293).

Лишь образ В. Д. Белова отчасти угадал будущий облик профессии. Было ли это случайностью или провидением, сказать также трудно, как трудно оценить сбывшееся предсказание писателя-фантаста, который сам бывает удивлен точностью своего прогноза. Созданные вне связи с практическими потребностями и даже в отрицание практики, эти образы со временем забылись. Но потеряна ли «преувеличенная вера в творческую силу отвлеченных идей» (Лурье, 1998, с. 293)?

Источники

Аничков Д. Офицерский вопрос в современной армии // Военный сборник. 1912. № 7. (Переизд.: *Аничков Д.* Офицерский вопрос в современной армии // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000.)

Белов В. Д. Значение теории в бухгалтерии // Счетоводство. 1893. № 4.

Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909.

Г. А. Б. [*Бахчисарайцев Г. А.*] К вопросу о дальнейшем образовании окончивших торговые школы // Коммерсант. 1905. № 10.

Гопфенгаузен И. Д. Общественное положение бухгалтеров в России // Счетоводство. 1895. № 3.

Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. На славянском и русском языках. М., 1917.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 2.

Дмитриевский А. Идеал офицера // Военный сборник. 1912. № 7. (Переизд.: *Дмитриевский А.* Идеал офицера // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000.)

Замятин П. Состав, цели и значение коммерческого образования // Счетоводство. 1893. № 23.

Лурье С. О сборнике «Вехи» // Русская мысль. 1909. Кн. 5. (Переизд.: *Лурье С.* О сборнике «Вехи» // Вехи: pro et contra Антология. СПб., 1998. С. 287—298.)

Львова Д. А. Профессиональные объединения бухгалтеров России в XIX — начале XX века // Финансы и бизнес. 2006. № 1.

Марецкий В. Коммерческие мальчики, или Начало специального образования торговых людей. М., 1862.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь Ожегова. 1949—1992. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/words/7036.shtml> (дата обращения: 16.03.2013).

Писарев Д. И. Наша университетская наука // Сочинения: в 4 т. Т. 2. Статьи 1862—1864. М., 1955.

Ренофанц И. Карманная книжка для любителя чтения русских книг, газет и журналов. СПб., 1837.

Сахаров А. Наши коммерческие школы и их общественное значение // Русская школа. 1906. № 4.

Соколов Я. В. Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней: учеб. пособие. М., 1996.

Соколов Я. В. Образ бухгалтера в литературе и кино. М., 2003.

Толстой Л. Жизненные задачи русского офицера // Русский Инвалид. 1907. № 3. (Переизд.: *Толстой Л.* Жизненные задачи русского офицера. Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000.)

Третий съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. Секция IV Коммерческого образования. Ч. 2. М., 1904.

Фортунатов А. О высшем коммерческом образовании // Вестник воспитания. 1906. № 6.

Шимановский В. Воспитание купечества // Коммерческое образование. 1908. № 6.

Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1994. Т. 2.